

Мария Каспина
(Москва)

Русские родственники советских евреев: Взаимовлияние и конфликт традиций

Смешанные русско-еврейские браки давно интересуют социологов, демографов и специалистов по этнологии и антропологии [Румянцева 2002; Fishman 2004; Носенко 2004; Tolts 2009 и др.]. Главным образом исследователей волнуют вопросы этнической идентичности у потомков смешанных браков и проблема ассимиляции. В то же время немалый интерес представляет другое следствие таких браков, а именно: трансформация культурных ценностей, передаваемых в семьях, где пересекается несколько национальных традиций. Мы рассмотрим бытование и сосуществование традиционной еврейской культуры в смешанных семьях, где браки между русскими и евреями длятся несколько десятков лет и вырабатывается новая модель взаимодействия или конфликта. Комплекс культурных механизмов, которыми традиции «притираются» друг к другу, тоже уже несколько раз затрагивался исследователями. Важная роль отводилась диадам «еврейский муж – русская жена» и «русский муж – еврейская жена», основным стереотипам вокруг таких браков и отношению к детям, рожденным в смешанных семьях [Добровольская 2003]. В работах О.В. Беловой, в частности, рассматривался несколько идеализированный фольклорный стереотип нееврейского мужа, которого еврейская семья считает даже больше евреем, чем они сами, потому что он с интересом осваивает идиш, еврейские традиции и праздники [Белова 2009, 36; Белова 2011, 47]. В этих статьях были проанализированы некоторые мотивы и механизмы взаимодействия традиций в смешанных еврейско-русских семьях.

Мы рассмотрим данную проблематику на материале новых полевых записей, полученных в ходе экспедиций, организованных Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэ-

фер» в 2015–2016 гг. в города Смоленск, Починок, Рославль, Рудня Смоленской области; Унечу и Сураж Брянской области, а также в пограничный белорусский городок Климовичи (Могилевская обл.).

Несмотря на то что регионы, в которых мы работали, были плотно заселены русскими (а также украинцами и белорусами) и евреями несколько сотен лет, смешанные браки стали возможны только в XX в. Поскольку нас интересовали люди, прожившие в русско-еврейских семьях достаточно много лет, основные наши информанты были 1930–1940-х г.р. Уже их родители не всегда соблюдали традиционный уклад, и для многих из них смешанный брак стал нормой жизни в новом интернациональном советском обществе.

Можно выделить несколько особенно значимых моментов в формировании моделей взаимодействия. Прежде всего, это взаимные опасения жизни среди евреев или жизни с антисемитами; церемония свадьбы; наречение имени детям; отмечание религиозных праздников; похороны на еврейском или русском кладбище. Рассмотрим эти модели подробнее.

Взаимные опасения

Почти все наши информанты ощутили на своем опыте или на опыте своих ближайших родственников тяготы войны и эвакуации. И угрозы антисемитизма и страха быть с евреями сохранялись, несмотря на весь интернационализм. Так, женщина из Починка (Смоленская обл.), прожившая в браке с русским больше пятидесяти лет, рассказывала о том, как принимала решение войти в нееврейскую семью:

У нас с Пашей была еврейско-русская свадьба. <...> Я, когда встретила с ним, сказала: смотри – я еврейка, девчонка, я не пожившая, не надо я вам – не надо. А она [свекровь] сказала: «Зина, лишь бы вам было хорошо...», – к евреям неплохо относились [Poch_16_01_Medvednikova].

Также она вспоминает случаи антисемитизма в Починке:

Когда я была маленькая, сказали – евреи, едьте в свой Израиль, то папа мой сказал: «Я никогда не поеду в Израиль. Буду здесь». Так знали бы – лучше бы поехали в Израиль, честное слово. Я и сейчас бы поехала – Пашка [муж] не хочет. Он русский и здесь у него голуби. Он не хочет. А я бы поехала к Юрочке [Poch_16_01_Medvednikova].

Любопытно, что с упреками столкнулась не сама информантка, как она опасалась вначале, а ее отец, который был для Зинаиды Юдовны образцом всего еврейского: он собирал тайный миньян в их доме, помнил некоторые молитвы, отмечал праздники. При этом еще одним важным элементом еврейского стал для нее теперь Израиль, где живет их сын, потомок смешанного брака, и отношение ее к Израилю совсем иное, чем у ее отца. Она там побывала и очень хочет жить рядом с сыном. Единственное, что ее удерживает, это муж, у которого в Починке голуби. И это единственный раз за всё интервью, когда она называет его русским.

Так же опасалась каких-то упреков и очень радовалась их отсутствию другая еврейка из Унечи (Брянская обл.), выходя замуж за русского:

[Родители не были против замужества с русским?] Родители не были против ни одного брака, не вмешивались никогда ни в одну семью... А как он за евреев был! Попробуй когда-то кто-то что-то скажи. Однажды мой одноклассник с высшим образованием, главный инженер завода, говорит на остановке в ожидании автобуса: «Ой, погода плохая. Это еврейские кучки». А он: «Петька! Сколько лет тебя учили, а ты всё равно дурак! При чём тут евреи?!» [Что такое *еврейские кучки*?] Ну, так называется, кучки. Осенний праздник. Обед хороший, помню, делали. Собирались, молились в синагоге. Женщины всегда сидели отдельно. Нарядные. В пост, когда не едят целый день. На все праздники. Но так и говорили: «еврейские кучки». И евреи называли так. От евреев же шло всё это [Unech_16_03_Nozdrya].

Несмотря на то что сами евреи называли так праздник Суккот и погодная примета, связанная с этим праздником, хорошо известна всем жителям этого региона [см.: Белова 2005, 179–181; Белова, Петрухин 2008, 357–360; Амосова 2011, 404–406], муж Фаины Григорьевны вступился за евреев, когда его русский знакомый произнес при нем эти слова.

Записываем мы и обратные опасения русских жен, вышедших замуж за евреев. Так, в белорусских Климовичах, бывшем еврейском местечке, при вступлении в брак с евреем русские родственники стали вспоминать тяжелую участь евреев во время войны:

[Инф. 1:] Мама в 1989 году умерла, тяжело болела и была без памяти, а я дежурила. И она в беспамятстве тихонько мне говорит: «Люба, не ходи туда, там копают яму – евреев будут расстреливать». Она где-то

в глубине души помнила, что я замужем за евреем и что мне надо куда-то скрыться. Умирала и все хотела меня спрятать. <...> Улица в Ершичах была дремучая, когда я выходила замуж, соседка тетя Маша говорит: «Ну конечно, за евреем хорошо замужем, но только когда война – хватай за руки детей, и в Россию к деду в Поляковку». Все знали, что за евреем быть опасно [Klim_16_01_Kaspinyu].

Свадьба

В ситуации, когда в традиционной культуре смешанные браки воспринимаются как аномалия, свадебная церемония не может проводиться ни по иудейскому, ни по православному религиозному обряду. Однако в советское время нормой стала именно светская церемония в загсе, поэтому интересно, как меняется отношение к такой официальной росписи в смешанных семьях.

Иногда отсутствие любых религиозных церемоний воспринимается как единственно возможный вариант:

А так у нас между собой всё нормально, всё хорошо. Двое детей вон вырастили... Две дочки. [Родители мужа] ко мне они относились всё время хорошо. А были они против или не были, кто их знает? На люди никто не выносит этого, правда? [Свадьба была] загс, застолье. И всё на этом. [А родители не хотели религиозной свадьбы?] Нет. У нас все было по-нормальному, с моей точки зрения. Все нормально, все хорошо было [Unech_16_08_Zalesina].

Иногда, напротив, если нет возможности провести традиционную и «правильную» свадьбу, это воспринимается как отсутствие свадьбы вообще:

[Родители не были против того, что вы женились на русской?] [Инф. 1:] Нет, не были против. У нас первая невестка русская была, у брата. [Инф. 2:] У старшего. [Инф. 1:] У нас они в этом отношении не были... [Инф. 2:] Ну, в душе, она, наверное, хотела Сару. [Инф. 1:] В душу никому не залезешь. Мы 57 лет живем, к тебе в душу и сейчас не залезешь. [А свадьба какая была? Просто расписались?] [Инф. 2:] Никакой свадьбы не было. [Инф. 1:] Просто расписались и всё. Свадьба была под кустом [Sur_16_10_Liberman].

Оба участника свадебной церемонии в загсе не восприняли ее как настоящую.

А иногда роспись в загсе приводит к конфликтным ситуациям выбора не только совместной приемлемой формы ритуала, но и к выбору новой фамилии:

У мужа такая фамилия мне не нравилась [фамилия мужа – Ноздря]. Я говорю, буду на своей [Слободкина]. Он говорит – пожалуйста. А когда мы пришли расписывать, там задают вопрос: «На чьей фамилии будете?» Я оглядываю его лицо – такое уже было выражение лица! А, я говорю, в одной семье не должно быть две фамилии. Ну? Он же не захотел на мою [Uneh_16_03_Nozdrya].

Выбор имен детям

Не менее, а зачастую гораздо более важным моментом выбора традиционных моделей поведения становится имянаречение детей. И как раз в этот момент проявляются представления о том, как принято называть детей в своих этноконфессиональных традициях. Часто конфликты решаются поиском компромиссов, наречением одного ребенка двумя именами или наречением двух детей в рамках разных культурных норм.

У моих родственников, родом из белорусских Климовичей, которые сейчас живут в Израиле, смешанный русско-еврейский брак и двое детей – Алла и Алексей:

Нашу Алку назвали, бабу звали Алта-Доба, и ее назвали Алка. Леша родился на Алексеев праздник, 30 марта. Алексей – божий человек. Назвали Алексеем [Lod_16_01_Kaspiny].

По еврейской традиции принято обязательно называть детей в честь умерших родственников, хоть в одной букве сохраняя имя предков в именах потомков, а по славянской традиции важен день, в который человек родился, в церкви называют по святым в память о святых, родившихся или умерших в этот день. Здесь мы видим, что в рамках одной семьи смешиваются обе традиции.

Даже в сильно ассимилированных семьях можно увидеть рудименты этих традиций:

[Как зовут ваших детей?] [Инф. 2:] Римма, дочь, старшая и Владимир. [А почему такие имена дали детям?] Я дала, например, имя – у меня девочка была, в школе у нас в средней училась, а я в третьей школе

преподавала физкультуру. Там была девочка, красивая. Училась хорошо на пятёрки. И я в честь нее назвала. [А Владимир?] А Владимир, он родился 22 апреля с Лениным [Sur_16_10_Liberman].

Русская жена еврейского мужа называет дочь еврейским именем, но не в честь его родственника, а в честь любимой ученицы. А муж называет сына Владимиром, потому что он родился в день рождения Ленина, и неважно, что такого святого нет в святцах, в рамках атеистической советской традиционной культуры их поступки воспринимаются как естественные.

Похожую историю мы записали у других моих родственников, оставшихся в г. Климовичи:

[Инф. 1:] У нас Наташу старшую доктор назвал – гинеколог, которая роды принимала – у меня тяжёлые роды были. А я просто хотела назвать – а её звали Мария, я назову Мария. Она, кстати, уехала в Израиль, она там была доктор. Уважаемый человек. Она там и умерла, Мария Натановна. Она говорит – мне очень приятно, что ты хочешь назвать моим именем, но ты назови Наташей. Давай назовем её Наташей? Сейчас всех Наташей называют, и мы назовём. И назвала Наташей. А я хотела её именем, потому что я чуть родила. <...> [Инф. 2:] Родители не лезли. Обычно ж обычай такой, что называют по именам усопших. [Инф. 1:] Не надо по им называть. У них такая была трудная судьба, и не надо было называть чужими именами. Трудная судьба была. Я хочу сказать, что у евреев у всех трудная судьба была и тогда, и сейчас. [Инф. 2:] Поэтому два имени давалось. Что одно вроде как настоящее имя, чтобы скрыть от нехороших людей, взглядов ли что [Klim 16_01 Kaspiny].

Очевидно, что русская жена хотела назвать ребенка еврейским именем, и мы видим из разговора, что врач в Климовичах была еврейкой. Однако информантка не знала правил еврейского имянаречения, вернее, была категорически против таких традиций. При этом очевидно, что для ее еврейского мужа эта традиция остается актуальной и значимой, но он уступает ей в этих вопросах.

В следующем примере мы видим, как из лучших побуждений, желая угодить любимому зятю, русская теща называет в его честь внука. Вероятно, ни она, ни сам ассимилированный зять не помнят о страшном запрете внутри еврейской традиции называть детей по именам живых родственников [подробнее об этой традиции см.: Амосова, Николаева 2013]:

[А ваша мама не против была, что вы были замужем за евреем?] [Инф. 1:] Она даже рада была. [Инф. 2:] Рада была. Она даже в честь его назвала своего внука. Внука назвала [Poch_16_02_Dragilev].

Впрочем, мы часто встречаемся с рассказами о том, что в смешанных семьях решение о выборе имени принимают не родители, а бабушки и дедушки. Этот выбор как раз во многом маркирует принадлежность внука к «своим» или «чужим»:

[Как ваш муж относится к религии?] Муж такой, как и я. Я считаю, мы все равны – у нас между нами нету разногласий. [А как дочерей зовут?] Елена и Наталья. [Почему такие имена?] А это муж их называл. [А почему так назвал?] Он пошёл в загс, ну мы жили во-о-н там на Бельце далеко. У матери у моей поначалу. Пошёл, зашёл к своим. Ему отец говорит: «Ну, куда ты идёшь?» – «В загс». – «Ну, так назови внучку Еленой». Он и назвал Еленой. Принёс, говорит: «У нас Елена». Ну что – Елена, дай Бог только, чтоб была счастлива и всё [Unech_16_08_Zalesina].

Встретился нам и совсем необычный вариант имянаречения, подсказанный бабушкой; теща подсказывает еврею, выросшему в детском доме и лишенному традиций, как надо назвать ребенка:

[Как выбирали имена детям?] Как мы выбирали? Хотели назвать Мишу Димой, даже на медицинской карточке было написано: «Сагинор Дмитрий». Приехала моя покойная мама, и говорит: «Ну и что вы надумали? Один дедушка Михаил, я Михайловна, другой – Моисей (звали Моисей Соломонович, тоже ведь как Михаил), а вы называете каким-то Димой!» [Sur_16_21_Sagigor].

Празднование Песаха

Следующая «болевая» точка в традиционной жизни русско-еврейских семей – совместное празднование религиозных праздников. Самым главным, а зачастую и единственным праздником, который сохранил ярко выраженную этноконфессиональную идентичность, в еврейской традиции является Песах. Не менее значимую обрядовую составляющую в русской традиции сохранил праздник Пасхи. Соответственно, взаимное угощение и гостевание – это ритуальная практика, существующая во многих регионах на протяжении советского и постсоветского времени.

Повседневная жизнь евреев в период этого праздника, даже в таких ассимилированных и светских регионах, в которых мы вели наблюдение в последние годы, резко изменяется. Основным элементом праздника – маца, которую старались доставать даже в самые тяжелые советские годы, когда это не разрешалось или было запрещено. Поскольку Песах – семейный праздник (и таковым он сохранился в памяти пожилых евреев, которые помнили традиционный седер, пасхальную трапезу в своем детстве), было принято собираться за праздничным столом всей семьей. В смешанных семьях этот праздник всегда вызывал повышенный интерес. Русских родственников, а также соседей приглашали и угощали мацой [подробнее об угощении мацой см.: Львов 2008, 71–73]. Русские невестки активно учились делать разнообразные блюда из мацы:

[Инф. 1:] Из мацы делали галушки. Как я по-русски понимаю. Потолкут мацу в муку – делают галушки в курином или гусяном бульоне. Мы и сейчас делаем, хотя жена русская. Все перемешались. К Пасхе готовились как обычно: «дома чтобы порядок был». <...> Я всю жизнь среди русских прожила, и жена русская. [А приглашали русских, когда Пасха?] Ну, родственников. Родственников, да. [А соседей?] Ну соседей, и русских – всех, всех приглашали. <...> [Инф. 2:] На все праздники, какие были, она [свекровь] приглашала нас. Ну, часто застолье было, конечно. Пообедать она приглашала на праздник. Ну и ходили мы. Невестка вторая у неё была еврейка, а я – русская. И ничего. Я не ощущала, что я была чем-то там [другим] [Sur_16_07_Slaviny].

Русские невестки иногда настойчивей хотят участвовать в пасхальных приготовлениях, чем сами евреи. Этот мотив, как и мотив нееврея, который лучше новых родственников выучил идиш, очень характерен для рассказов о традиционных ценностях людей в смешанных браках:

[Инф. 1:] Я вышла замуж – дед наш был коммунист – они ничего не делали. Я говорю – как это ты не умеешь на своём языке говорить? Я и не знаю – я бы говорила. А тогда свекрови говорю – мы её звали все «баба» – все баба, и я баба – она – я говорю – что вы не делаете Пасху? Вот мы поженились в январе, а уже в мае я говорю: «Ну, давайте я помогу вам, ну мне ж интересно тоже». Она говорит: «Ну давай». Она говорит – надо и посуда пышешна, но она готовила, я была молодая, мне

очень хотелось заниматься этими пекивами, варевыми этими. А теперь ко мне пришло. <...> А свёкор мой – он и еврейскую Пасху отмечал, и русскую. Уважал все религии.

[Инф. 2:] В Пасху всегда звали её родителей обязательно. Всей семьёй <...> На Пасху тёща заранее звала: Вы, Мойсеевич, звала она батьку. Мы само собой должны прийти с детьми. Всё. Пасха там. Через девять дней Радуница – разговора нету – обязательно на кладбище. Она-то ходила с родителями, а я куда денусь?

[Инф. 1:] А я говорю, что я на еврейскую бабе Фруме помогала. Мама моя была не фанатичка, но верущая. Но она всегда приходила на еврейскую Пасху, и мацу ела, то есть ей было не страшно. И она все это ела [Klim_16_01_Kaspiny].

Информанты постоянно подчеркивают, что гостевание было взаимным: сначала отмечали еврейскую Пасху, которая наступает раньше, потом тем же смешанным составом отмечали русскую [Poch_16_01_Medvednikova; Sur_16_10_Liberman; Unech_16_03_Nozdrya и др.]. При этом, как мы видим в приведенных выше интервью и во многих других текстах, русские родственники имели какие-то основания для опасений, что их будут хуже принимать, или они боялись есть мацу, возможно вспоминая какие-то фольклорные наветные мотивы.

Один из таких мотивов мы записали в прошлом году:

Когда мы поженилась, мы держали свиней, пятеро. И говорили [соседи]: «Верка, – а маму звали Верой, – надо свиней покормить мацой – от мацы растут свиньи». И она мне говорит: «Любка, украдь мацы». Ну, я, конечно, взяла листочек. Там она была не листочками, как теперь маца. А они пекли сами такими листами. И я кусочек этой мацы отломала. Она замешала это всё. А поросёнок у нее сдох. Во брешут! [Klim_16_01_Kaspiny].

Это известный мотив, что ритуальные предметы или сакральные объекты, относящиеся к «чужой» традиции и взятые тайком, обладают дополнительной магической силой [см.: Белова 2005, 140, 169–173]. И здесь информантка воспользовалась случаем «проверить» действенность этого поверья, но разочаровалась в нем.

Встреча неевреев с еврейской традицией празднования Песаха в современных условиях происходит не только дома у соблюдающих старших родственников, но и в недавно созданных общинных центрах. И опыт знакомства с неизвестными ранее формами иудаизма, которые распространяют религиозные деятели из Израиля и США, оказывается для наших информантов нелегким. Так, русско-еврейскую пару из Рудни (Смоленская обл.) несколько лет назад пригласили в Смоленск на празднование Песаха. Однако они не знали, что в полном ритуале праздника сначала идет долгое чтение пасхальной агады, рассказ о традициях и только потом еда. Это вызвало конфликт:

[Инф. 2:] Мы, как дурачки, сидим. Картошину, лучину, яйцо. Есть хотим. И сбегать куда что купить? Ещё он [муж-еврей] пошёл сока этого чуть выпросил, ещё не давали ему. А напротив едят вообще сало, колбасу копчёную. А потом вообще – раз разрешены браки смешанные, значит, и еда. В общем, религия – дело такое, хитрое [Rudn_15_01_Dolginy].

В картине мира людей, выросших вдали от всех религиозных традиций, долгое застолье без еды представляется совершенно немислимым. И тогда любая религия оказывается «хитрым делом». В обычной же ситуации совместной семейной трапезы обязательные ритуальные элементы праздника сводятся к поеданию мацы и приготовлению традиционных блюд с мацой и в таком варианте гораздо больше приемлемы для наших информантов.

Выбор кладбища

И все-таки, пожалуй, главный момент выбора одной или другой этноконфессиональной традиции наступает, когда принимается решение, на каком кладбище и по какому ритуалу хоронить супругов, проживших в смешанных браках, и их детей. Выбор кладбища, а также памятника (с крестом или без него) для «своих чужих» родственников стал предметом исследования, фиксирующего современную традиционную культуру в белорусском городе Лепеле [Белова 2015, 106–107]. Во всех местах, где проводились наши полевые исследования, даже в самых небольших городах и поселках, есть от-

дельные еврейские кладбища или еврейские участки на общегородских кладбищах. И этот выбор оказывается актуальной темой для рассуждений при жизни самих информантов. Связан он, прежде всего, с тем, чтобы оставшимся родственникам было удобнее ухаживать за могилой, а также с тем, где уже похоронены другие родственники умершего.

Дополнительным поводом для выбора между еврейским и русским кладбищем становится решение похоронить умершего с почестями от горкома или завода на русском кладбище или своими силами, но на еврейском кладбище, а также если покойный был выдающимся человеком. Про похороны главврача смоленской больницы Аронина рассказывали:

Сказали так – на еврейском хороните вы. А на русском мы. Первый шёл председатель горкома, за ним горисполкома, весь горком. И демонстрация, как на 1 мая ходили – Аронина хоронили <...>. На почётном месте похоронили, горком памятник поставил [Smol_16_03_Kugelevy].

Родственники в смешанных семьях ближе к старости постоянно обсуждают тему, где кто хочет быть похороненным и кто его будет там поминать. Появляются рассуждения о том, что раньше не задумывались, а теперь хотят лежать рядом, ведь на нашем еврейском кладбище уже много русских лежит, сюда и ходить ближе, оно в центре города, а русское на окраине [Sur_16_19_Cigenbord]. Часто эта тема становится предметом подшучивания и запугивания. Русские члены семьи пугают своих еврейских родственников тем, что если они умрут раньше, их похоронят на русском кладбище, при этом угрозу свою выполняют не всегда:

[Инф. 1:] Моя мама говорила: «Самуил Моисеевич, если вы умрёте раньше меня, я вас на своём кладбище похороню, я ваше кладбище люблю. Мы на Радоницу будем ходить». Такой обычай, что на Радоницу обязательно несут еду, водку. Я не люблю ходить на кладбище, но мы ходим, что-то положим, постоим немножко, и домой, я дома готовлю стол, приходят дети, я соседок зову, мы посидим, всех вспомним. Мы и к деду на Радоницу всегда заходим и рюмочку ставим. Мы на 9 мая с зятем всегда ходим к деду на кладбище [Klim_16_01_Kaspiny].

Могила деда Самуила Моисеевича Каспина находится на еврейском кладбище Климовичей, но умер он позже своей сватьи.

Похожая ситуация происходит, когда русские родственники боются не быть похоронеными на еврейском кладбище, рядом со своими близкими:

[Инф. 2:] Мама на еврейском кладбище похоронена. А папа просил похоронить его рядом с мамой, а я все говорила: «Нет, ты же вообще тут отношения не имеешь». Я всё над ним подшучивала. Но похоронила рядышком. Лежит дядя Женя, тоже его похоронили на еврейском кладбище, потом бабушка, дедушка, и мои рядышком. А Андрей – там отдельно оградка. Он просился. Я подшучивала. Ну как же – они всю жизнь вместе прожили. И как я так могла поступить – я говорю – не переживай. <...> на кладбище хожу и с евреями, и на русские дни, потому что папа русский. Я хожу тогда, когда моей душе угодно. А вместе ходим после еврейской Пасхи [Poch_16_05_Fragina].

Просьба похоронить себя на еврейском кладбище звучит как завещание, когда человек сам решает, где ему найти место упокоения – рядом с родителями или рядом с женой:

Я мужа похоронила на еврейском кладбище. Он родом со станции Жудилово. Там у него родители, дедушки и бабушки. Все. Потом, когда надо было ездить на Радоницу, Володя сказал: «Дети, умоляю вас. Не везите меня в деревню. Какая суета. Надо ехать. Похороните меня где-нибудь здесь. Или на Шевцовом, или, если еврейское кладбище с русским сольется, то меня на еврейском» [Unech_16_11_Nozdrya].

Русские надгробия на еврейском кладбище выделяются или крестами, или подвязанными рушниками, или особенным образом сделанным ограждением, но выделяются всегда. Иногда они выделяются из общих рядов. Так, в Рославле еврейская информантка грустила о том, что из-за того, что пошли смешанные семьи, смешались мужские и женские ряды. Но и сама она похоронила на еврейском кладбище украинца, отца своего мужа. Мотивировала она это так: «А батьку так похоронили, потому что он с евреями всю жизнь» [Ros_15_07_Nozdrevatykh]. Схожее объяснение, где будет похоронен ныне здравствующий супруг, мы записали в Починке:

[Русского мужа можно на еврейском кладбище похоронить?] [Инф. 1:]
А куда его? Он пятьдесят лет со мной. Сестра его сказала – места ему нету там [на еврейском кладбище], ну и что? Дай Бог ему только, чтобы он пожил побольше со мной. Родители у него похоронены на кладбище в Данькове. А он будет вместе с нами [Poch_16_01_Medvednikova].

Сейчас, когда умирают евреи в семьях, где больше не остается людей, знающих обряд, похороны на еврейском кладбище берут на себя русские родственники. И для соблюдения воли умершего они иногда приглашают раввина. Вот как рассказывала вдова очень уважаемого в Сураже врача о похоронах своего мужа:

На похороны мы приглашали раввина из Брянска. Приняли нас как... Мы всё-таки сказали, что [будем хоронить] 50 на 50: нельзя чисто по-еврейски, потому что там надо было его и в саван, перевернуть. Мы кое-отчего отказались. <...> Ну а так вот эту подушечку нам оставили, туда всё положили. Такая чёрненькая, она у меня лежит. Ну и так – какие были там манипуляции – там надрезать футболки. Чёрные. Мы же – чёрные футболки были. Надо обязательно надрезать и неделю ходить в этой футболке после похорон. Ну и вот раввин, который был, ну значит, он всё сказал там, что надо, все тут процедуры. Потом уже там, на похоронах, уже на кладбище, по-моему, 13 или 12 мужчин, чтобы они там, значит, читали, стояли там. <...>. Шли по улице Красноармейской, потом по улице Ворошилова, мимо больницы. Не хочу сказать, что высыпала вся улица, но больше двух третей точно: стояли врачи, все. А раввин этот всё шёл и: «Когда поедем? Когда поедем?», – потому что ну, шли же автобусы, все там. А вот когда вышли эти люди, он больше ни слова ни сказал, до самого кладбища он шёл, хотя одет же в чёрное пальто, в чёрной шляпе, как это всё... И вот мы шли, ну девочки – на демонстрации столько людей не бывает. [А потом после похорон раввин] говорит: «Я столько похоронил уже людей всяких, высоких и низких, но впервые вижу, чтобы православные так хоронили иудея. Это впервые у меня в жизни». Вот девочки, не сойти с этого места. Он говорит, это что-то невероятное [Sur_16_21_Saginoг].

Несмотря на то что русские родственники выбрали соблюдение традиционного еврейского похоронного обряда не целиком («пятьдесят на пятьдесят»), им удалось поразить раввина многолюдностью прощальной процессии, больше похожей на демонстрацию.

Таким образом, мы можем отметить, что в смешанных браках актуализируются самые ключевые, «болевые» точки традиционной культуры в целом. Ведь именная речь, празднование Пасхи, свадьба, похороны и поминальный обряд – это самые популярные темы при разговорах о традиции и культурных ценностях и с остальными, не смешанными семьями в этих регионах. В случае попадания русских в еврейскую традиционную среду мы замечаем, как они стараются проверить, провести апробацию основных стереотипов о евреях, которые они знали раньше: еврейские «кучки», выпечка мацы, кормление свиней мацой и т.п. Обычно такая «проверка» приводит к отрицательным результатам. Для русско-еврейских родственников выбор той или иной этноконфессиональной традиции показывает, чьи ценности сильнее представлены, более устойчивы и престижны. Поиск компромиссов и сглаживание конфликтов укрепляет такие смешанные браки, и мы встречаем множество русско-еврейских пар, благополучно проживших вместе десятки лет.

Литература и источники

- Амосова 2011 – *Амосова С.Н.* Материалы полевых исследований 2004–2009 гг.: славяне и евреи о «своих» и «чужих» календарных праздниках // Русский фольклор. СПб., 2011. Т. 34. С. 403–408.
- Амосова, Николаева 2013 – *Амосова С.Н., Николаева С.В.* Ономастические запреты и их нарушения у евреев Восточной Европы (на примере подольской, буковинской и бессарабской традиций) // Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2013. С. 265–287.
- Белова 2005 – *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Белова, Петрухин 2008 – *Белова О., Петрухин В.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим, 2008.
- Белова 2009 – *Белова О.В.* Интеграционные аспекты еврейско-славянского межкультурного диалога // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 29–37.
- Белова 2011 – *Белова О.В.* Освоение пространства языка: между «своим» и «чужим» // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва. М., 2011. С. 38–49.
- Белова 2015 – *Белова О.* Еврейское кладбище в рассказах жителей Лепеля и окрестностей // Лепель: память о еврейском местечке / Отв. ред. С. Амосова. М., 2015. С. 92–114.

- Добровольская 2003 – *Добровольская В.* Русско-еврейские браки: стереотипы восприятия в зоне межэтнических контактов (по материалам мегаполисов) // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2003. С. 211–225.
- Львов 2008 – *Львов А.* Межэтнические отношения: угощение мадой и «кровавый навет» // Штетл, XXI век: Полевые исследования / Сост.: В.А. Дымшиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб., 2008. С. 65–82.
- Носенко 2004 – *Носенко Е.Э.* «Быть или чувствовать?». Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. М., 2004.
- Румянцева 2002 – *Румянцева П.* Особенности этнической идентичности у подростков смешанного русско-еврейского происхождения // Материалы Девятой ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2002. Ч. 2. С. 155–171.
- Fishman 2004 – *Fishman S.B.* Double or Nothing? Jewish Families and Mixed Marriage. Waltham: Brandeis University Press, 2004.
- Tolts 2009 – *Tolts M.* Mixed Marriage and Post-Soviet Aliyah // Jewish Inter-marriage Around the World / S. Reinharz and S. DellaPergola (eds.). New Brunswick, USA and London, UK: Transaction Publishers, 2009. P. 89–104.

Список интервью

- Klim_16_01_Kaspiny – Инф. 1: Каспина Любовь Геннадьевна, 1950 г.р., д. Ершичи; Инф. 2: Каспин Ефим Самуилович, 1950 г.р., г. Климовичи. Соб. М. Каспина, С. Амосова, О. Карташева, Ю. Андреева (г. Климовичи).
- Lod_16_01_Kaspiny – Каспин Владимир Самуилович, 1947 г.р., Климовичи, Могилевская обл. Соб. М. Каспина (Израиль).
- Poch_16_01_Medvednikova – Инф. 1: Медведникова (Горбачева) Зинаида (Зельда) Юдовна, 1946 г.р., г. Починок; Инф. 2: Медведников Павел Степанович, 1944 г.р. Соб. М. Каспина, О. Карташева (г. Починок).
- Poch_16_02_Dragilev – Инф. 1: Драгилев Александр Юдович, 1926 г.р., пос. Хиславичи, Смоленская обл.; Инф. 2: Драгилева Александра Трофимовна, 1933 г.р. (Глинковский р-н Смоленской обл.); г. Починок. Соб. М. Каспина, О. Карташова (г. Рославль).
- Poch_16_05_Fragina – Инф. 1: Фрагина Вера Ильинична, 1937 г.р., г. Починок; Инф. 2: Лянчикова Зинаида (социальный работник), 1960-х г.р., г. Починок. Соб. М. Каспина, О. Карташова (г. Починок).
- Ros_15_07_Nozdrevatykh – Ноздреватых (Миркина) Елена Иосифовна, 1955 г.р., Рославль. Соб. Я. Михайлова (г. Рославль).
- Rudn_15_01_Dolginy – Инф. 1: Долгин Лев Моисеевич, 1948 г.р.; Инф. 2: Долгина Светлана Александровна, 1953 г.р. Соб. М. Каспина, А. Юдкина, М. Вячина (пос. Рудня).

- Smol_16_03_Kugelevy – Кугелев Меир Симонович, 1923 г.р., Милославичи, Могилевская обл. Соб. М. Каспина, Д. Рыговский, В. Петрухин, О. Белова (г. Смоленск).
- Sur_16_07_Slaviny – Инф. 1: Славин Семён Григорьевич, 1940 г.р., Сураж; Славина (Пивченко) Ольга Исаковна, 1938 г.р., с. Лопазна, Суражский р-н. Соб. М. Вятчина, Н. Антонова (г. Сураж).
- Sur_16_10_Liberman – Инф. 1: Либерман Марк Александрович, 1933 г.р., Сураж. Инф. 2: Либерман (Рублева) Анна Васильевна (род. в Липецке). Соб. С. Погодина, Т. Пилиповец, М. Хейфиц (г. Сураж).
- Sur_16_19_Cigenbord – Цигенборд Михаил Львович, 1947 г.р., г. Сураж. Соб.: Т. Пилиповец, С. Погодина (г. Сураж).
- Sur_16_21_Saginor – Сагинор (Ячменева) Татьяна Михайловна, 1946 г.р. (с. Катлино, Мглинский р-н Брянской обл.). Соб. М. Вятчина, Н. Антонова (г. Сураж).
- Unech_16_03_Nozdrya – Ноздря (Слободкина) Фаина Григорьевна, 1936 г.р., г. Унеча. Соб. М. Каспина, Н. Антонова, А. Шаевич (г. Унеча).
- Unech_16_08_Zalesina – Залесина Татьяна Константиновна, 1952 г.р., г. Унеча. Соб. Т. Пилиповец, С. Погодина (г. Унеча).
- Unech_16_11_Nozdrya – Ноздря (Слободкина) Фаина Григорьевна, 1936 г.р., г. Унеча. Соб. М. Каспина, Т. Пилиповец, С. Погодина (г. Унеча).

Maria Kaspina
(Moscow)

Russian relatives of Soviet Jews: Mutual influence and conflict of traditions

Mixed Russian-Jewish marriages have long interested sociologists, demographers and specialists in ethnology and anthropology. Researchers are mainly concerned with issues of the ethnic identity and the problem of assimilation. At the same time, another consequence of such marriages of considerable interest is namely: the transformation of cultural values transferred to families where several national traditions intersect. In the paper, I've analyzed how the strongest "painful" points of traditional culture are actualized in the mixed marriages. The issues of naming children, celebrating Passover, weddings, funerals and memorial rites are the most popular topics when talking about tradition and cultural values and with non-mixed families in these regions. In the occasions of Russians falling into the Jewish traditional envi-

ronment, we notice how they try to test and prove their basic stereotypes about the Jews they knew before: the bad weather on Jewish holidays, baking matzos and traditions around it, etc. For Russian-Jewish relatives, the choice of one or another ethno-confessional tradition shows whose values are stronger represented, more stable and prestigious. The search for compromises and the smoothing of conflicts strengthens such mixed marriages, and we meet many Russian-Jewish couples who lived happily together for years.